

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-63-1-180-184
УДК 821.161.1

ИСТОРИЧЕСКОЕ И «НЕИСТОРИЧЕСКОЕ» В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

© Нина Калинина, Валерий Сонькин

THE HISTORICAL AND THE “NON-HISTORICAL” IN THE NOVEL “LAURUS” BY E. VODOLAZKIN

Nina Kalinina, Valerii Sonkin

This article studies the relationship between the historical and the “non-historical” in the novel “Laurus” by E. Vodolazkin. This ratio is comprehended through the category of time, which is the key to understanding the ideological and thematic design of the work in the context of the philosophical interpretation of the chronotope by ancient Russian people. The novel combines the ideas of linear and cyclical time, which is a characteristic feature of medieval Russian booklore. Therefore, the text combines and intertwines the signs of different time periods. There are several striking stylistic techniques that implement this idea. Some intertextual inclusions in the text of the novel refer the reader to the texts of a later period, which creates a single literary cultural space of different literatures, presenting it as an entirety. The cultural code of some characters in the work is much ahead of their era. Also, a striking feature of the writer’s idiosyncrasy is the use of lexical anachronisms – words that could not be used in the characters’ speech, since they were not yet formed or borrowed in the described era. This fact allows us to find out how the idea of the absence of time is realized in the text of the novel “Laurus”.

Keywords: artistic time, historicism, intertextual connections, lexical anachronisms.

Настоящая статья посвящена изучению соотношения исторического и «неисторического» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр». Это соотношение осмысливается через категорию времени, являющуюся ключевой для понимания идейно-тематического замысла произведения в контексте философского осмысления хронотопа древнерусским человеком. В романе совмещаются идеи о линейном и циклическом времени, что является характерной особенностью средневековой русской книжности. Поэтому в тексте соединяются и переплетаются приметы различных временных эпох. Можно назвать несколько ярких стилизованных приемов, реализующих эту идею романа. Некоторые интертекстуальные включения в текст произведения отсылают читателя к текстам более позднего периода, что создает единое культурное пространство словесности разных литератур, которое представлено как целое. Культурный код некоторых персонажей произведения намного опережает их эпоху. Также яркой чертой идиостиля писателя является употребление лексических анахронизмов – слов, которые не могли быть использованы в речи персонажей, так как не были еще образованы или заимствованы в описываемую эпоху, что позволяет выяснить, как в тексте романа «Лавр» реализуется идея об отсутствии времени.

Ключевые слова: художественное время, историзм, интертекстуальные связи, лексические анахронизмы.

Современный писатель Е. Г. Водолазкин в романе «Лавр» обращается к эпохе русского Средневековья. Однако сам автор – ученый-медиевист, историограф – не занимается точным восстановлением описываемой эпохи. Он совмещает в одном тексте события, относящиеся к разным временным пластам: от XV до XX века. В романе причудливым образом переплетаются не только сюжетные линии, но и бытовые реалии разных эпох.

Время в художественном пространстве – системообразующий элемент текста. Важно отметить, что художественное время не соответствует реальному и не следует за ним. В романе «Лавр» Е. Г. Водолазкин не просто отсылает читателя к древнерусской эпохе, он создает особый хронотоп, который не характерен для современного восприятия.

Большинство исследователей романа отмечают эту особенность построения временного пространства романа. Она заключается в том, что

автор, знаток древнерусской книжности и истории, строит сюжет произведения в контексте конкретных исторических событий. С другой стороны, внимательный читатель сразу же обращает внимание на подзаголовок произведения – *Неисторический роман*.

По мнению исследователей романа, важнейшей его особенностью является «структурирование повествования в рамках соотнесения исторического и внеисторического начал» [Махнина, с. 273]. Поэтому для верной интерпретации текста, по наблюдению А. В. Архангельской, необходимо учитывать «вневременные, надвременные и прочие межэпохальные связи» [Архангельская, с. 113].

Возникающие противоречия между выражением в романе художественного и реального времени создает особый хронотоп произведения и формирует мировоззрение персонажей. Такое преломление времени в его жизни осознает и сам главный герой романа [Водолазкин, с. 10].

Многое становится понятным в контексте философского осмысления времени в древнерусскую эпоху. По замечанию А. Н. Ужанкова, христианство принесло древнерусскому человеку новую, линейную интерпретацию времени. Она подразумевает наличие не только профанного, мирского времени (от сотворения мира до Страшного суда), но и горнего, духовного, не имеющего начала и конца [Ужанков, с. 173]. Такое понимание времени изменило представление о циклическом времени, характерное для древнерусского языческого мышления. Новое понимание находит яркое отражение в древнерусской книжности. Как полагает Д. С. Лихачев, именно в художественном времени соединяются грамматическое и философское его осмысление [Лихачев, с. 211]. Категория временного пространства в художественном тексте «не просто набор необходимых для общения форм времени, а мировоззренческая система, способная выразить особенности философского осмысления понятия времени древнерусским человеком» [Глухова, с. 17]. Такой подход позволяет раскрыть идейно-тематическое и художественное своеобразие романа.

Не будем подробно останавливаться на сюжетных особенностях выражения идеи вневременности в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр». Они уже подробно описаны в имеющихся исследованиях [Архангельская], [Махнина]. Обратим внимание на стилевые приемы организации текстового пространства анализируемого произведения.

Нарушают временную последовательность событий в романе некоторые интертекстуальные

включения. Характерной особенностью романа являются многочисленные межтекстовые связи, которые включают текст произведения главным образом в систему древнерусской книжности. Чаще других в романе встречаются цитаты и аллюзии на библейские тексты, патристику, произведения ораторского красноречия, исторические сочинения, знакомые древнерусскому человеку. Например, описывая возлюбленную главного героя, автор отсылает нас к библейской «Книге Песни Песней Соломона»: *«Высыхающие, еще не заплетенные в косу волосы пушисто светились вокруг головы. Власи твои, яко стада коз, яже възыдоша от Галаада»* [Водолазкин, с. 71–72] (здесь и далее разрядка наша. – Н. К., В. С.). Ср.: *«Волосы твои – как стадо коз, сходящих с Галаада»* (Песня Песней VI, 6). Историчность цитаты подчеркивает ее использование в оригинальном виде на церковнославянском языке. Таковы частые построения интертекстуальных связей в тексте романа.

Однако мы встречаем и другие случаи, нарушающие исторический принцип. В речи персонажей романа, героев древнерусской эпохи XV века, имеются отсылки к текстам более позднего времени, которые не могли быть известны говорящим.

Наставляя мальчика, дед главного героя произносит: *«Мы в ответе за тех, кого приручили, говорил, глядя волка, Христофор»* [Водолазкин, с. 33]. Нетрудно выявить аллюзию к повести А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц». Употребление этого выражения не удивляет читателя, так оно давно стало крылатым и потеряло однозначную связь с источником. Поэтому его употребление в речи народного целителя достаточно органично.

Другой герой романа, юродивый Фома, рассуждая о национальной особенности русского человека, замечает: *«Так ведь русский человек – он не только благочестив. Докладываю вам на всякий случай, что еще он бессмыслен и беспощаден»* [Там же, с. 194]. В этой фразе внимательный читатель найдет аллюзию на текст исторического романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка», написанного в первой половине XIX века: *«Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный»*. Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о сознательном нарушении автором временной последовательности литературных фактов. Можно предположить, что именно своих героев автор делает создателями этих высказываний. Эта снова создает впечатление вневременности в романе.

Фрагмент романа: *«Поэт гибнет, скажем, в 37 лет, и люди, скорбя о нем, начинают рассуждать о том, что он мог бы еще написать»* [Там же, с. 288] – отсылает читателя к двум событиям литературной истории XIX века: к гибели Пушкина и к начальной строчке стихотворения «Погиб поэт!» Лермонтова.

Отметим еще один случай такого несоответствия. Уйдя в монастырь, главный герой на время становится переписчиком церковных книг. В романе приводятся отрывки текстов, якобы написанные его рукой. При этом для создания эффекта достоверности Е. Г. Водолазкин даже называет место хранения списков: *«Рукописи Амвросия в настоящее время хранятся в Кирилло-Белозерском собрании Российской национальной библиотеки (С.-Петербурга). Изучающие их исследователи единодушно отмечают, что рука писавшего тверда, а почерк округл»* [Там же, с. 389]. Однако на невозможность соотнесения этого факта с исторической действительностью указывают тексты, которые приписаны герою. В отрывках приводятся обширные фрагменты из житийных текстов святителя Димитрия Ростовского: «Повести о Таксидоте воине» и «Повести о покаянии Феофила» [Там же, с. 386–389]. При этом жизнь и творчество самого святителя Димитрия Ростовского относится к XVII веку. Это еще раз говорит о «неисторичности» романа. Таким образом, использование интертекстуальных связей в этом романе создает возможность для широкой интерпретации текста произведения, «позволяет автору вступить в диалог с читателем, используя тексты разных временных эпох» [Калинина, с. 132].

«Неисторичность» текста также выявляется на уровне анализа языка романа. С одной стороны, автор предпринимает попытку погрузить читателя в описываемую эпоху не только на сюжетном уровне. В тексте произведения причудливым образом перемешиваются современные русские и древнерусские конструкции: *«Ты ли еси Арсений, спросила баба. Аз есмь, ответил Арсений <...> Помози нам, Арсение, смертию бо умираем. Аще Богу будет угодно, помогу, пробормотал, не глядя на бабу, Арсений»* [Водолазкин, с. 126]. В приведенном отрывке используются утраченные формы глагола *быти* (*есмь* – 1 лица, *еси* – 2 лица), личное местоимение *аз* старославянского происхождения, древнерусская форма глагола повелительного наклонения *помози*, отражающая результат процесса II палатализации, утраченный в современном русском языке (*помоги*), древние союзы *бо* и *аще*. Интересно также смешение в небольшом отрывке текста двух форм обращения: древней (*Арсение* – зва-

тельный падеж) и новой (*Арсений* – именительный падеж). Это отражает общую стилевую черту текста произведения – смешение лексики разных временных эпох. Таких примеров из текста романа можно привести огромное количество.

С другой стороны, яркой приметой стиля анализируемого текста является использование лексических анахронизмов – слов, употребление которых противоречит описываемой эпохе, так как в этот период они еще не были образованы или заимствованы из других языков. Эти слова нарушают временное пространство текста, так как те фразы и выражения, которые произносят герои, не могли быть сказаны на самом деле людьми описываемой эпохи. Особенно ярко это выражается в произведениях, написанных на историческую тему. К ним и примыкает роман Водолазкина «Лавр».

В речи героев произведения появляется огромное количество заимствованных слов, которые пришли в русский язык в XVII–XVIII веках, в эпоху европеизации русской культуры при Петре I, например: *«Если желаешь собирать замерзающий элемент и на моей территории, ничтоже вопреки глаголю»* [Там же, с. 201]; *«Мне нужна твоя консультация»* [Там же, с. 186]; *«Душевно рад, коллега, что ты не принял сего безотрадного образа»* [Там же, с. 192]; *«Твою дивизию, в сердцах воскликнул юродивый Фома»* [Там же, с. 194]. Эти слова были заимствованы в XVII веке и не могли быть использованы в речи древнерусского человека XV века. Приведенные примеры взяты из речи юродивого Фомы – одного из самых противоречивых образов романа. В его речи переплетаются высокое и низкое, духовное и просторечное, древнее и современное. Поэтому употребление в его речи лексических анахронизмов лишь подчеркивает его особое положение в системе персонажей.

Лексические анахронизмы являются не только стилевой чертой речи юродивого Фомы. Приведем другие примеры: *«Факт, подтвердила Евдокия. Пусть остается»* [Там же, с. 167]; *«Это есть феномен, достойный всяческой поддержки, сказал посадник Гавриил»* [Там же, с. 198]. Выделенные слова появляются в русском языке тоже лишь в XVIII веке. Они характерны для книжной, деловой речи, что противоречит характеристике героев произведения и их эпохе.

В романе «Лавр» есть и более поздние заимствования, нарушающие временную соотнесенность употребления слов, так как встречаются в русском языке лишь с XIX века, но входят в речь героев романа: *«Что же до воскресения и спасения душ преставлявшихся раб Божиих, то эту*

информацию я предоставляю тебе, что называется, тет-а-тет» [Там же, с. 111]; «Поясняю свою мысль, прибегну к парадоксу» [Там же, с. 194]. К советской эпохе отсылает читателя и следующее обращение: «Готовься же, товарищ, в путь» [Там же, с. 245].

В романе «Лавр» больше всего лексических анахронизмов, связанных с темой медицины. Использование профессионализмов в речи главного героя не соответствует его деятельности, которая на самом деле является знахарством и врачевательством (от слова *врачу*), а не лечением на основе диагностики заболеваний и приема медикаментов. Так нарушается единство временного пространства текста. С одной стороны, это позволяет читателю попытаться понять мир средневекового русского человека, а с другой – соотнести с окружающей действительностью и понять, что во все времена перед человеком встают одни и те же вопросы его бытия.

Само слово *медицина* многократно используется в романе и является заимствованием XVII века. Оно используется в прямом значении и легко входит в устойчивые выражения: «Брат наш Устин видит, что дитя умрет, сказал юродивый Фома. Медицина бессильна» [Там же, с. 186]; «Они отказываются от медицинской помощи, говорит собравшимся на улице врач Терентий. И положила руку на сердце, они правы, ибо глубина залегания кости превосходит возможности современной медицины» [Там же, с. 216]; «Врачебный опыт подсказывает ему, что медикаменты в лечении – не главное» [Там же, с. 220]. Употребление этих слов понятно читателю и не вызывает у него удивления. Но описание деятельности героя позволяет задуматься о его предназначении и роли в обществе. Он воспринимается не только как целитель, но и как человек, обладающий тайным знанием и способный видеть будущее. Это противоречит употреблению указанных слов и создает особое художественное пространство романа.

К лексическим анахронизмам относятся и другие слова этой лексико-тематической группы: «И просыпайся не для смерти, но для жизни. Прогноз у тебя благоприятный» [Там же, с. 124]; «По биению пульса распознавал изменения в состоянии и управлял ее борьбой за жизнь» [Там же, с. 133]; «Предупредил бы хоть, пожаловался пациент» [Там же, с. 159]. Слова *прогноз* и *пульс* пришли в русский язык в XVIII веке, слово *пациент* – в XIX веке. Многократное употребление лексических анахронизмов является не случайным приемом в тексте романа, а чертой идиостиля писателя.

Использование лексических анахронизмов, смешение древнерусского и русского языков, аллюзии на тексты поздних по отношению к событиям романа текстов еще раз подчеркивают идею романа об отсутствии времени. Такой подход к истолкованию произведения находит подтверждение и в размышлениях главного героя: «Я же говорю: существование времени под вопросом. Может быть, его просто нет» [Там же, с. 289]. Сходную мысль высказывают и другие герои произведения: юродивый Фома («Ну, так и не надо тебе этого знать, говорит юродивый Фома. Живи покамест вне времени» [Там же, с. 211]) и Амброджо («Я думаю, время дано нам по милосердию Божию, чтобы мы не запутались, ибо не может сознание человека впустить в себя все события одновременно. Мы заперты во времени из-за слабости нашей» [Там же, с. 279]). Поэтому идея о возможности соприкосновения и совмещения героев, предметов, событий и явлений разных временных эпох является одной из важнейших для понимания романа.

Мы полагаем, что такой подход позволяет автору строить повествование не на основе концепции линейного времени, характерной для мировоззрения современного человека, а с помощью идеи о циклическом времени, которая характерна для архаичного мышления, что и объясняет смысл подзаголовка произведения – *Неисторический роман* – в контексте общей идеи об отсутствии времени. На таком хронологическом противоречии и строится единство исторического и «неисторического» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр». Эта идея находит свое выражение не только в этом произведении, но и во многих других текстах Е. Г. Водолазкина, что позволяет считать смешение временных эпох в построении хронологического пространства произведения чертой его идиостиля.

Список литературы

- Архангельская А. В. Время древнерусское и современное в романе Евгения Водолазкина «Лавр» // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения». Севастополь, 2013. С. 113–114.
- Водолазкин Г. Е. Лавр. М.: АСТ, 2017. 440 с.
- Глухова О. П., Калинин К. А. О связи выражения категории времени с его философским осмыслением в истории русского языка // Теоретическое и методическое обеспечение современного филологического образования в свете требований профессиональных стандартов. Набережные Челны: НГПУ, 2018. С. 16–19.
- Жучкова А. В., Музафьярова И. Р. Концепция времени в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Филологос. 2014. Вып. 23(4). С. 35–40.

Калинина Н. В. Лексические анахронизмы в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» // Язык как материал словесности. Казань: Бук, 2019. С. 103–110.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Наука, 1979. 360 с.

Махинина Н., Сидорова М. Историческое время в романе Е. Водолазкина «Лавр» (к постановке проблемы) // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 2 (44). С. 271–274.

Ужанков А. Н. Стадиальное развитие русской литературы XI – первой трети XVIII века. Теория литературных формаций. М.: изд-во Литературного института, 2008. 528 с.

References

Arhangel'skaia, A. V. (2013). *Vremia drevnerusskoe i sovremennoe v romane Evgeniia Vodolazkina "Lavr"* [Old Russian and Modern Times in the Novel "Laurus" by Yevgeny Vodolazkin]. *Materialy nauchnoi konferentsii "Lomonosovskie chteniia"*. Sevastopol, pp. 113–114. (In Russian)

Glukhova, O. P., Kalinin, K. A. (2018). *O svyazi vyrazheniia kategorii vremeni s ego filosofskim osmysleniem v istorii russkogo iazyka* [On the Connection between the Expression of the Category of Time and Its Philosophical Understanding in the History of the Russian Language]. *Teoreticheskoe i metodicheskoe obespechenie sovremennogo filologicheskogo obrazovaniia v svete*

trebovaniia professional'nykh standartov. Naberezhnye Chelny, NGPU, pp. 16–19. (In Russian)

Kalinina, N. V. (2018). *Leksicheskie anakhronizmy v romane E. G. Vodolazkina "Lavr"* [Lexical Anachronisms in the Novel "Laurus" by E. G. Vodolazkin]. *Iazyk kak material slovesnosti*. Kazan, Buk Publ., pp. 103–110. (In Russian)

Lihachiov, D. S. (1979). *Poehtika drevnerusskoi literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. 360 p. Moscow, Nauka Publ. (In Russian)

Makhinina, N., Sidorova, M. (2016). *Istoricheskoe vremya v romane E. Vodolazkina "Lavr" (k postanovke problemy)* [Historical Time in E. Vodolazkin's Novel "Laurus"]. *Filologiya i kul'tura*. Philology and Culture. No. 2(44), pp. 271–274. (In Russian)

Uzhankov, A. N. (2008). *Stadial'noe razvitie russkoi literatury XI – pervoi treti XVIII veka. Teoriia literaturnykh formatsii* [The Staged Development of Russian Literature in the 11th – the First Third of the 18th Century. The Theory of Literary Formations]. 528 p. Moscow, Literaturnyi institut Publ. (In Russian)

Vodolazkin, E. G. (2017). *Lavr* [Laurus]. 440 p. Moscow, AST Publ. (In Russian)

Zhuchkova, A. V., Muzafiarova, I. R. (2014). *Kontseptsii vremeni v romane E. G. Vodolazkina "Lavr"* [The Concept of Time in the Novel "Laurus" by E. G. Vodolazkin]. *Filologos*, No. 23(4), pp. 35–40. (In Russian)

The article was submitted on 23.02.2021

Поступила в редакцию 23.02.2021

Калинина Нина Владимировна,
магистрант,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
423806, Россия, Набережные Челны,
Низаметдинова, 28.
ninel-kalinina@mail.ru

Сонькин Валерий Александрович,
преподаватель,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет,
423806, Россия, Набережные Челны,
Низаметдинова, 28.
sonkinva59@mail.ru

Kalinina Nina Vladimirovna,
Master student,
Naberezhnye Chelny State
Pedagogical University,
28 Nizametdinov Str.,
Naberezhnye Chelny, 423806, Russian Federation.
ninel-kalinina@mail.ru

Sonkin Valery Aleksandrovich,
Assistant Professor,
Naberezhnye Chelny State
Pedagogical University,
28 Nizametdinov Str.,
Naberezhnye Chelny, 423806, Russian Federation.
sonkinva59@mail.ru